

Стратегический терроризм

Леонид Савин

Главный редактор журнала «Геополитика»,
руководитель Управления социально-политических исследований Института
экономики и законодательства.

После 2001 г., когда США объявили о начале войны с террором, появилось большое количество исследований, посвященных этой теме, среди которых фигурировал новый нарратив — стратегический терроризм. Это связывали, прежде всего, с изменением формы самих террористических организаций, которые стали транснациональными и даже установили между собой сотрудничество. Кроме того, терроризм также имеет много общего с герильей (повстанческой войной), а для любой войны нужна своя стратегия, адекватная для своего места и времени. Терроризм является и особой формой психологической борьбы, битвой за умы с помощью воли.¹ И данная формулировка отсылает к классикам военной мысли от Фукидида до Клаузевица.

С другой стороны, восприятие наличия постоянных угроз от террористических организаций вынудили ряд правительств сформировать стратегию² по борьбе с терроризмом, которая затрагивала страны, регионы, правительства, организации, религии, этносы и бизнес компании.

И если раньше терроризм считался определенной девиацией, отклонением от стандартных форм насилия, которое регламентировано нормами международного права и всяческими конвенциями, то теперь существует мнение, что это новая норма, которую нужно понимать и иметь дело.

П. Нойман и М.Л.Р. Смит утверждают (кафедра военных исследований Королевского колледжа Лондона), что терроризм — даже тот, который попадает под разновидность «нигилистического» — не обязательно попадает в сферу ненормальности... Терроризм должен более адекватно рассматриваться как военная стратегия.³

Авторы считают, что только путем изучения динамики стратегического терроризма можно создать необходимую концептуальную основу, с помощью которой прийти к полному пониманию роли террористического насилия в походах

¹ Gerard Chaliand, *Terrorism: From Popular Struggle to Media Spectacle* (London: Saqi Books 1987).

² NATIONAL STRATEGY FOR COMBATING TERRORISM. February 2003. https://www.cia.gov/fr/cia-the-war-on-terrorism/Counter_Terrorism_Strategy.pdf

³ Peter R. Neumann, M. L. R. Smith. Strategic terrorism: The framework and its fallacies. *Journal of Strategic Studies*, 2005, 28: 4, 571 — 595

некоторых групп, которые вышли за пределы использования стратегического терроризма в продвижении своих целей.

Можно описать терроризм как преднамеренное создание чувства страха, как правило, с использованием или угрозой применения символических актов физического насилия, с целью влияния на политическое поведение выбранной целевой группы. Это определение опирается на работу по Т.П. Торнтону¹, чьи исследования представляют собой один из наиболее информативных и проницательных анализов терроризма.

В ней подчеркиваются три аспекта этого явления:

- Насильственное качество большинства террористических актов, что отличает программу террора от других форм ненасильственной пропаганды, например массовых демонстраций, листовок и т. д. Действительно, хотя люди иногда испытывают страх и беспокойство без угрозы физической расправы, по-видимому, наиболее распространенным средством для побуждения террора являются формы физического насилия.
- Природа самого насилия. Торнтон называет ее «экстра-нормальной», и это означает, что для определенного уровня организованного политического насилия, чтобы его назвать терроризмом, он должен выходить за рамки норм насильственной политической агитации, принятой в данном обществе.
- Символический характер акта насилия. Теракт будет означать более широкое значение, чем непосредственные последствия самого акта; то есть ущерб, смертельные случаи и травмы, вызванные актом, имеют ограниченное отношение к политическому посланию, с помощью которого террористы надеются установить коммуникацию. По этой причине, террористический акт может быть понятен только при оценке его символического содержания или «послания».

Кроме того, у спланированной террористической кампании существуют определенные этапы реализации.

Дезориентация является важной задачей и соответствует первому этапу террористической кампании. Террористы полагают, что их действия произведут отчуждение власти, выставив их недееспособными в деле защиты своих граждан. Чтобы достичь этого, уровня нужно нарушить нормальный режим социального взаимодействия, доведя эскалацию насилия до уровня, когда станет ясно, что власти не в состоянии предотвратить распространение хаоса.²

---

¹ Т.П. Thornton, «Terror as a Weapon of Political Agitation» in Harry Eckstein (ed.), *Internal War: Problems and Approaches* (New York: Free Press 1964) pp.71–99

² Peter Knauss and D.A. Strickland, 'Political Disintegration and Latent Terror', in Michael Stohl (ed.), *The Politics of Terrorism* (New York: Marcel Dekker 1979) p.77.

Нужно отметить, что здесь обнаруживается определенный парадокс. В то время как террористы заинтересованы заручиться поддержкой масс, им необходимо продолжать насилие. Для этого они проводят так называемые недискредитирующие атаки и разграничивают свои цели на легитимные и нелегитимные. Легитимными целями, как правило представители государства — политики, чиновники, военные, судьи, полиция и т.п., которые предстают как агенты репрессивного режима.

На втором этапе возникает ответная реакция. Н. Берри выдвинул гипотезу, что террористы пытаются манипулировать возможными ответными действиями своего врага, которых может быть несколько вариантов.¹

К одному из них относится концепция чрезмерной цели, которая составляет существенную часть процесса дезориентации (смотри выше). Террористы хотят спровоцировать правительство работать вне рамок закона и использовать экстраправовые меры. В результате, террористические акты часто будет совершаться с явной целью начала жестких репрессий, возможно, нелегального характера.²

Дефляция власти представляет собой противоположность концепции чрезмерной цели. Это сценарий, при котором целевая группа (правительство) теряет поддержку общества, потому что не в состоянии адекватно справиться с террористической угрозой. Правительство полагает, что ему не хватает общественного консенсуса для проведения политики по отношению к террористам, т.к. переговоры рассматриваются как хитрость, угроза и даже передача определенной доли легитимности. Как видно на историческом опыте, такой сценарий стал классической проблемой для многих режимов, особенно работающих в рамках либеральных демократических убеждений.

Еще один тип ответа представляет собой ошибочные репрессии умеренных, т.к. правительство может начать подавлять умеренную оппозицию, которая не применяет насилие. Запрет политических партий, закрытие газет, аресты и похищения людей относятся к этому варианту действий власти. Рациональное объяснение таких действий состоит в том, что между террористами и умеренной оппозицией может быть связь, и они могут действовать сообща. Например, Ирландская Республиканская Армия имеет легальную структуру — «Sinn Fein», которая действует в правовом поле, а у баскских сепаратистов из ЭТА есть политическое крыло Heri Batasuna. Также пример Исламской Революции в Иране показывает, что ошибочные репрессии могут только ускорить процесс падения власти. Кроме того, в таких целях террористы могут действовать от лица власти (используя поддельные документы, униформу или своих агентов внутри правительственных структур), чтобы ее дискредитировать в глазах общественности.

¹ N.O. Berry, 'Theories on the Efficacy of Terrorism', in Paul Wilkinson and A.M. Stewart (eds),

Contemporary Research on Terrorism (Aberdeen: Aberdeen UP 1987) pp.293–304.

² Paul Wilkinson, Terrorism and the Liberal State (London: Macmillan 1986) p.296

Третий этап представляет собой получение легитимности. Это достигается либо с помощью умелой манипуляции через масс-медиа, либо через политическую агитацию на местах, благодаря чему создается интерактивная связь с массами. Сейчас Интернет является инструментом для установления такой коммуникации, и как показывает опыт исламистов-джихадистов, он может быть очень эффективным.

Получение легитимности во многом зависит от культуры общества, в котором действуют террористы и этики, связанной с насилием и смертью.

В одной работе¹, посвященной терроризму, приводится интересная статистика, позволяющая сравнить количество смертей. Указывается, что всего в 2011 г. в мире в ДТП погибло 1 млн. 400 тыс. человек, умерло от СПИДа 1 млн. 700 тыс. человек, в США за это же время на дорогах погибло 29757, было убито 14612, а в авиакатастрофах разбилось 494 человек. Для сравнения — жертвами террористической атаки 11 сентября 2001 г. стало 2996 человек, от ядерной бомбардировки Хиросимы погибло 90 тыс., а от цунами в Индийском океане в 2004 г. унесло жизни 230 тыс. Автор задается вопросом — насколько с моральной позиции отдельные теракты ужаснее, чем рукотворные или природные инциденты, особенно если учитывать, что ядерная бомбардировка японских городов не была необходима, а являлась актом устрашения со стороны США, в том числе своих союзников. Критики внешней политики США также приводят факт гибели огромного количества мирных жителей Ирака во время американского вторжения, что несоизмеримо от единичных случаев терактов против США, даже если проводить условную параллель между исламом и мусульманским терроризмом. Это позволяет сделать вывод о провалах предыдущих стратегий США по борьбе с терроризмом. Хотя полученный опыт в Ираке, Афганистане, а также при противодействии Аль Каиды может быть интересен в качестве дополнительного анализа.

В одной из работ RAND Corp., посвященной деятельности террористических организаций предлагается проследить динамику через классификацию видов снижения или полного угасания террористической активности. Они разбиты на восемь групп:

Сущностный успех. Тактика террористов помогает, как минимум, достичь основных целей террористов, в основном в связи с политическими акциями, где применяется мало насилия.

Частичный успех. Террористы получают общественное одобрение для своей организации и ее деятельности и предпочитает прекратить террористические действия чтобы избежать насилия, которое может вызвать отторжение спонсоров, поддержки и ключевых действующих лиц с третьей стороны.

---

¹ Nathan Myhrvold. Strategic Terrorism. A Call to Action. Research paper NO. 2 — 2013

Акций прямого действия со стороны государства, включая репрессии. Государственные мероприятия, включая репрессии, значительно подрывают возможности террористов.

Распад организации вследствие перегрева. Террористическая организация распадается, так как ее члены теряют доверие к организации и ее миссии потому что могут быть коллективное ощущение ошибочности действий, физическая усталость, наличие привлекательных вариантов, способствующих прекращению насильственной деятельности, растущее несогласие с идеологией и стратегией.

Потеря лидеров. Убийство или арест влиятельных лидеров может послужить причиной тому, что остальная часть организации окажется неспособной или не желающей продолжать функционирование в роли террористической организации.

Неудачный переходный период. Террористы оказываются не в состоянии передать свои функции следующему поколению, после того, как первое поколение вышло из строя.

Утрата поддержки. Террористы теряют поддержку среди своей клиентуры: населения, правительств и других организаций.

Появление новых альтернатив. Наилучшим вариантом для политических перемен или выживания организации и ее оздоровления могут быть новые горизонты, включая более традиционные формы, такие как война и революция, протестные массовые движения, возможности для легальной политической и организованной преступной деятельности¹.

Кристофер Гармон предлагает для исследования террористических организаций применять хронологический подход, ориентируясь по длительности активности той или иной группировки. Помимо разделения на годовые фазы (не более пяти лет; от восьми до пятнадцати; от двадцати до пятидесяти) Гармон также вводит анализ на основе того, достигла ли группа успеха или нет. Таких секции тоже три: организации, деятельность которых привела к поражению; достигнувшие определенного успеха; те, которые достигли явного успеха и трансформировали его в стратегическое преимущество².

Если стратегическое преимущество было закреплено, организация может начать выступать в иной роли. Характерным примером являются повстанцы в Ливии, легализовавшиеся в результате свержения Муаммара Каддафи, а также джихадисты, объявившие о создании Исламского Государства. Ими начала применяться стандартная военная тактика и стратегия на захваченных территориях, вводиться налог на поддержку их деятельности, эксплуатироваться нефтяные ресурсы Ирака и Сирии.

¹ Cragin K., Davis P. Social science for Counter-terrorism. Putting pieces together. RAND, 2009. P.259

² Christopher C. Harmon. How Terrorist Groups End. Studies of the Twentieth Century.//Strategic Studies Quarterly, Fall 2010.

Западные эксперты отмечают, что текущая ситуация международного джихадистского терроризма характеризуется тремя взаимосвязанными тенденциями: децентрализация, локализация и индивидуализация. Эти тенденции отчасти являются ответом на успех борьбы с терроризмом с 2001 года, но они также отражают смену паттернов в географической и этнической диверсификации и продолжающийся идеологический спор внутри широкого джихадистского движения между теми, кто выступает за организованный джихад (*jihad tanzim*) и тех, кто предпочитает сосредоточиться на индивидуальном джихаде (*jihad fardiyah*)¹.

Конечно же, мы не должны забывать и о государственном терроризме, так как ему наиболее легко получить стратегическое измерение, особенно если действует группа государств.

Есть определение, что государственный терроризм представляет собой любое проявление насилия, осуществляемое противоправным путем в отношении иностранных государств и внутренних противников со стороны определенных государств, различных его органов. В этом случае к государственному терроризму относятся акты военной агрессии, судебного и полицейского произвола, совершаемые для решения внешне и внутривнутриполитических задач.

Конечно же, в юридическом плане это явление больше характерно для второй половины XX века, т.к. ранее к подобным актам приравнивали саботаж, диверсии и агрессию, а само понятие террора в ряде случаев было институционализировано в качестве вооруженной классовой борьбы.

Однако в то же время в связи с размыванием границ между полицейскими операциями, вооруженной борьбой, конфликтами, пропагандой и прочей деятельностью, в том числе законодательной и судебной, терроризм стал толковаться в расширительном понимании, указывалось на его явные как внутренние, так и внешние аспекты и международный формат. Кроме того, глобализация и либерализация экономик, которые исходили из США, при поддержке, как правительства этой страны, так и различных транснациональных компаний, привели к эффекту создания серой зоны насилия. Сам терроризм начал коммерциализироваться, а феномен частных военных компаний, которые опять же впервые появились в англосаксонских странах, подрывал нормы международного права, в том числе определение участников боевых действий, и способствовал распространению вооруженного насилия по всему миру.

В целом довольно адекватную дефиницию государственного терроризма (ГТ) дает английский эксперт С. Сигеллер. Он трактует ГТ как превышение власти, использование аппарата принуждения, предназначенного для поддержания общественного порядка и национальной безопасности против собственного народа, для подавления оппозиции. Он включает акты незаконного задержания,

---

¹ Carl Ungerer. Beyond bin Laden. Future trends in terrorism. ASPI, Dec. 2011, P. 17

пытки, тайную депортацию, скрытые убийства, использование «эскадронов смерти» и т. д.

Основным элементом терроризма, как видно из этимологии слова, является запугивание, следовательно, действия, которые направлены на запугивание правительств или гражданского населения в широком смысле можно понимать как акты терроризма, не важно, в мирное или военное время они произошли. Например, фосфорные бомбардировки Дрездена авиацией союзников или упоминаемая ранее ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки по своему характеру были именно актами запугивания, т.к. не имели необходимости с точки зрения военной стратегии, а в случае с Японией устрашение велось не только в отношении японского населения, но и других стран.

Противоправность ГТ как инструмента внешней политики была закреплена в резолюции Генассамблеи ООН 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах», принятой на 39-й сессии в 1984 г.

Хотя ранее, еще в 1937 г. более 20 государств подписали Конвенцию о предупреждении и наказании терроризма, под которым понимались «преступные действия, направленные против государства, цель или характер которых состоят в том, чтобы вызвать ужас у определенных лиц или среди населения».

Несмотря на то, что ГТ осуждается резолюцией ООН, ряд западных стран до сих пор использует его как инструмент своей внешней политики для отстаивания своих экономических, корпоративных и политических интересов.

Есть также серьезные проблемы и во внутренней политике США. Если мы внимательно изучим структуру этого государства и его общества, то мы обнаружим, что культура насилия имманентна, т.е. внутренне присуща этому обществу, что оправдывает терроризм как политическое действие, в первую очередь, внутри самих Соединенных Штатов.

Это связано с юридическими интерпретациями проявлений насилия и различного жестокого обращения с самими гражданами США. Например, впервые в США было обосновано применение пыток еще в Массачусетском своде свобод от 1641 г. где указано, что осужденный преступник «может быть подвергнут пыткам», если он признан виновным, однако при этом «пытка не может быть варварской и бесчеловечной». Согласно Конвенции 1984 года против пыток любые действия, которые были легализованы, по определению, не являются пыткой. После терактов в 2001 г. ситуация с правами и свободами еще более ухудшилась. Прикрываясь Патриотическим актом, спецслужбы и другие репрессивные органы США продолжили манипуляции с законом, что позволяло похищать и пытаться невинных граждан, в том числе на секретных объектах ЦРУ в других странах.

Во внешней политике США прибегают к так называемому претексту, т.е. заранее отработанному сценарию, произведённому по которому действия приводят к определённому ожидаемому результату.

Как указывает один из критиков агрессивной внешней политики США Ричард Сэндерс, практически с конца XIX в., когда США вторглись в Мексику, Вашингтон постоянно использует механизм «претекста» для обоснования своего военного вмешательства.

Другой прием — это так называемая превентивная дипломатия, т.е. запугивание, которую США до сих пор применяют во внешней политике. К ГТ можно также отнести и психологические операции, т.к. по определению американских специалистов, психологическо-политическая война связана с культурными и политическими символами, восприятиями и эмоциями, поведением индивидуумов и групп под воздействием стресса, т.е. запугивания. При этом, как указано в исследовании *The Psychological Dimension in National Strategy*, изданном Военно-воздушным университетом США, психологическо-политические операции должны быть направлены не только против врагов; нейтральные, союзные и полусоюзные государства потенциально представляют очень важные цели, а значит, Вашингтон ведет подрывную деятельность в завуалированной форме и методом мягкой силы против всех государств мира.

События последних лет наглядно показывают, что и другие государства прибегают к террористическим методам при проведении своей политики. Украина — одно из них, для которой подходят многие критерии, описанные в данной статье.